

**Экономические нарративы в русской литературе
второй половины XIX в. на примере работ
С. Н. Терпигорева, А. Н. Энгельгардта и А. А. Фета**

EDN: JTIVZK

Аннотация. В статье на примере произведений С. Н. Терпигорева («Оскудение»), А. Н. Энгельгардта («Двенадцать писем из деревни») и А. А. Фета («Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство») анализируются экономические нарративы, сложившиеся в русской литературе второй половины XIX века в условиях перехода от традиционной феодальной экономики к капиталистическим отношениям. В статье выделены три ключевых нарратива: разрыв между теоретическими представлениями о ведении хозяйства (распространяемыми интеллигенцией, профессурой и прессой) и практическим опытом помещиков и крестьян; разночтения в понимании «рациональности» хозяйствования у разных социальных и профессиональных групп; а также проблема ценообразования на труд наемных работников. Теоретическую базу исследования составляют концепция нарративной экономики Р. Шиллера, а также идеи поведенческой экономики (Д. Канеман, Р. Таллер). На материале исследуемых текстов показано, что господствовавшие в обществе нарративы не отражали реальных потребностей аграрного сектора, тогда как авторы, сочетавшие теоретическую подготовку с практической хозяйственной деятельностью, предлагали более сбалансированный подход, объединяющий знание местных условий, экономическую рациональность и учет поведенческих факторов. Делается вывод, что, несмотря на актуальность этих идей для своего времени, они не смогли сформировать необходимый объем нарративов, способный повлиять на массовое сознание и хозяйственную практику, однако сохраняют аналитическую значимость и в современных дискуссиях о развитии сельского хозяйства и экономической рациональности.

Ключевые слова: экономические нарративы, пореформенная Россия, сельское хозяйство, рациональность, поведенческая экономика, нарративная экономика.

Изучение экономических аспектов русской литературы XIX века и использование литературных источников для анализа хозяйственных процессов имеют давнюю традицию, в рамках которой можно выделить несколько этапов, различающихся по методологическим основаниям и кругу привлекаемых источников.

Ранний этап (вторая половина XIX — начало XX в.) представлен преимущественно литературной критикой и публицистикой. Современники обращали внимание на то, как художественная и документальная проза отражает социально-экономические сдвиги пореформенной России. Однако их интерес был сосредоточен на идейном содержании произведений, а систематического анализа экономических нарративов как самостоятельного явления в этот период не сложилось. Работы этого времени носили преимущественно оценочный характер и закладывали традицию восприятия С. Н. Терпигорева, А. Н. Энгельгардта и А. А. Фета в контексте дворянского «оскудения» и народнической критики капитализма.

Этап социально-экономической истории (конец XIX — XX в.) характеризуется обращением к литературным источникам для иллюстрации экономических процессов. В рамках этого направления, представленного именами В.П. Воронцова, Н.А. Карышева, работами В.И. Ульянова (Ленина) (несмотря на полемику с народничеством, Ленин дал высокую оценку работе Энгельгардта), акцент делался на анализе кризиса помещичьего хозяйства, классовых противоречий и предпосылок капиталистического развития. В этот же период сложилась устойчивая традиция восприятия Фета как лирического поэта, тогда как его «Жизнь Степановки» оставалась на периферии экономико-исторических исследований. Работы этого этапа отличались вниманием к фактической стороне экономической жизни, но часто были подчинены идеологическим установкам.

В конце XX — начале XXI в. происходит поворот к комплексному изучению экономической истории с привлечением широкого круга источников и к методам смежных дисциплин. В исторической науке (Б.Н. Мironov, Л.В. Милов, Е.А. Правилова, Е.С. Корчмина) литературные тексты стали рассматриваться не только как иллюстративный материал, но и как ценный источник для реконструкции хозяйственного быта, ментальности и поведенческих стратегий различных сословий. Происходит интеграция в историко-экономические исследования концепций из смежных дисциплин. Особое значение для постановки проблемы нарративов в экономике имели работы зарубежных авторов. Теория нарративной экономики Р. Шиллера дала инструмент для анализа того, как истории влияют на экономические решения и становятся самостоятельными факторами экономических процессов. В российском научном дискурсе близкие идеи развивал В.М. Ефимов, подчеркивавший значение качественных источников и методологического плюрализма в экономических исследованиях. Применение идей поведенческой экономики (Д. Канеман, Р. Таллер) к историко-экономическому материалу позволило по-новому интерпретировать проблему ограниченной рациональности в аграрной сфере пореформенной России. Особенно значимыми для анализа выделенных исторических источников являются концепции эвристики доступности — склонности человека оценивать вероятность или важность события по тому, насколько легко примеры этого события приходят на ум, — а также теории перспектив — оценки возможной потери как более значимой, чем эквивалентные приобретения.

Тем не менее комплексное исследование экономических нарративов в русской литературе второй половины XIX в., объединяющее историко-экономический и поведенческий подходы на примере конкретных авторов (Терпигорев, Энгельгардт, Фет), до настоящего времени не предпринималось. Данная статья призвана восполнить этот пробел, рассматривая

указанных авторов не просто как литераторов или публицистов, но как носителей альтернативных нарративов, сочетавших теоретическое знание с практическим опытом хозяйствования.

Терпигорев, Энгельгардт и Фет занимают особое место среди современников: они не являются теоретиками. Их выводы опираются на собственный опыт хозяйствования в конкретных локальных условиях. Поэтому их нарративы отражают скорее взгляд дворянина-практика с теоретической подготовкой, чем универсальную точку зрения помещика или крестьянина.

В российской литературе XIX в. мы находим множество нарративов, и экономические отношения не занимали в ней ведущего места. Вопросы эстетического, духовного, философского свойства были для нее более характерны. И это довольно удивительно: Россия переживала в это время серьезные изменения в политической, социальной и, прежде всего, экономической сферах. Привычные экономические связи менялись, на смену привычной феодальной, традиционной экономике и традиционным социальным ценностям приходили новые веяния: социалистические идеи, затрагивающие в первую очередь социальную структуру общества и правовые основы частной/общинной собственности, и новая модель экономических взаимоотношений — капиталистическая.

В данной статье упор будет сделан на втором аспекте изменений: влиянии новых взаимоотношений в обществе и экономике — капиталистических. Будут рассмотрены три основных, по мнению автора, нарратива, сформировавшихся в тот переломный момент нашей истории и, как покажет время, дошедших до наших дней в своей неослабевающей остроте.

Первый нарратив, связанный с противоречием, выделяемым исследуемыми писателями во второй половине XIX века, заключается в отсутствии связи между практиками — дворянами и крестьянами, ведущими свое хозяйство в изменяющейся экономической и социальной реальности, и людьми, занимающимися теоретическим рассмотрением вопросов сельского хозяйства: профессорами, интеллигентами, журналистами — людьми, создающими господствующие в прессе и широком обсуждении нарративы. Разрыв теории и практики рассматривается как сквозной конфликт, он приводит к неудачам попыток ведения «рационального хозяйства» и разорению дворян.

Второй нарратив затрагивает вопросы «рационального» ведения хозяйства, столь широко поднимаемые в период смены экономических отношений. Они по-разному понимались людьми, непосредственно ведущими свою хозяйственную деятельность, и теми, кто описывал ее «со стороны». При этом «описание со стороны» и создание господствующих нарративов, связанных с «рациональным ведением сельского хозяйства хозяи-

ном», были далеки от реальности. Профессионалы-теоретики, пишущие о ведении хозяйства, не соприкасались с практикой ведения этого хозяйства. При этом писатели, погруженные волею судеб в необходимость рационализации своего хозяйства, создавали свой нарратив — практиков, но связанный и с теоретическими основами. Этот нарратив затрагивает основные категории экономического мышления (экономическая эффективность, выгода). Он стал идеологическим узлом пореформенной дискуссии между народниками, западниками и марксистами.

И, наконец, третий нарратив связан с вопросом ценообразования на труд наемных работников-крестьян. Господствующим нарративом был тезис о высокой плате за труд и неэффективности ведения хозяйства при таком типе труда. Этот нарратив фиксирует расхождение между столичным дискурсом (властным) и локальной реальностью.

Выделение этих нарративов на базе исследуемых исторических источников основано на следующих методологических критериях: существует противопоставление «господствующему» нарративу и социальному представлению в рамках социальных групп (теоретически образованных представителей высшего сословия и прессе); они имеют эмоционально-ценностную нагрузку, что позволило им стать вирусными у представителей разных социальных групп; эти нарративы не сводятся к абстрактным теоретическим тезисам, а содержат причинно-следственную связь и имеют практические последствия — данные нарративы могли влиять на принятие хозяйственных решений.

Сословные стереотипы, технические новшества, роль государства выступают как аргументы, а не как самостоятельные суждения в рамках идеологического дискурса.

Безусловно, выделение этих нарративов релевантно для определенного исторического периода, для периода значимых изменений в положении сословий, развитии капиталистических отношений в обществе, они дают возможность посмотреть на изменение экономического и социального положения «из окон дворянской усадьбы».

Целями настоящей статьи стали выявление и анализ ключевых экономических нарративов, сформировавшихся во второй половине XIX в. в условиях перехода от традиционной феодальной экономики к капиталистическим отношениям, на примере произведений С. Н. Терпигорева («Оскудение»), А. Н. Энгельгардта («Двенадцать писем из деревни») и А. А. Фета («Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство»). Происходил разрыв между господствовавшими в обществе теоретическими нарративами (распространявшимися интеллигенцией, профессурой и прессой) и реальной хозяйственной практикой помещиков и крестьян. В работе будет рассмотрена хозяйственная деятельность представлен-

ных авторов, на примере их произведений изучены некоторые господствующие нарративы в исследуемый период; показаны разные типы рациональности, свойственные разным социальным и экономическим группам, и будет сделана попытка осмысления, почему нарративы, не ставшие ведущими во второй половине XIX в., сохраняют и даже становятся более актуальными в наши дни.

В статье используется **междисциплинарный подход**, что делает необходимым задействование следующих **методов** исследования — исторического, сравнительного, метода нарративного анализа, методов поведенческой экономики. Термин «нарратив» рассматривается с точки зрения концепции нобелевского лауреата по экономике Р. Шиллера — эмоционально заряженная история, обладающая ценностной установкой, способная влиять на поведение людей и на их экономические действия. Данный термин довольно близок по своему значению к понятиям «дискурс», «социальное представление», но они имеют разные теоретические корни и аналитические функции. Дискурс, в понимании М. Фуко, это прежде всего связанный с властью инструмент, который помогает осуществлять контроль над знанием и социальной практикой. Он определяет позиции субъектов и формирует объекты знаний. Внутри одного дискурса может сосуществовать несколько конкурирующих нарративов.

Социальное представление чаще всего рассматривается как форма обыденного знания, возникающая из коммуникации внутри группы, обычно бывает схематичным, образным. Социальное представление, как правило, стереотипно в отношении иных социальных групп.

Поскольку за основу работы взяты конкретные рассказы исследуемых авторов об экономическом поведении, которые становятся вирусными (через литературу и публицистику) и влияют на поведение представителей разных социальных групп — помещиков и крестьян, — поскольку выбранными авторами делаются попытки разрушения стереотипов и предлагается отказаться от обыденных схем в описании социальной действительности, а речь идет не от лица «экспертов-теоретиков», обладающих правом устанавливать нормы коммуникации, то использование термина «экономический нарратив» представляется оправданным.

В качестве исторических **источников** используются работы А. Н. Энгельгардта, С. Н. Терпигорева и А. А. Фета. Полученные выводы интерпретируются с опорой на работы современных экономистов, что позволяет создать более полную картину исследования.

Первая часть работы будет связана с выявлением основных нарративов в работе А. Н. Энгельгардта «Двенадцать писем из деревни». Будет рассмотрен его переход от теоретической модели, которой он придерживался, — народничества и положительных аспектов этой теоретической

концепции (по его же собственным словам) до начала его хозяйственной жизни, к эволюции его взглядов в рамках практической, хозяйственной жизни. Об эволюции своих экономических взглядов А. Н. Энгельгардт писал в журналах «Отечественные записки», а после их закрытия — в «Вестнике Европы». При этом даже его идеологический противник — В. И. Ленин — дает положительную оценку его деятельности как хозяйственной, так и творческой.

Вторая часть связана с литературным творчеством С. Н. Терпигорева. Прежде всего будет рассмотрена его работа «Оскудение» и те экономические нарративы, что были выделены им. Его литературное творчество было популярно в 1870–1880 гг., большая часть его литературной деятельности также была связана с «Отечественными записками», газетой «Новое время» и «Историческим вестником».

Наконец, третья часть связана с творчеством А. А. Фета. За основу исследования будет взято его литературное произведение «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство».

С экономической точки зрения, теоретическую основу рассмотрения данной проблемы составили идеи нобелевского лауреата по экономике Роберта Шиллера — в частности его теория нарративной экономики¹. Исследование также базируется на схожих идеях В. М. Ефимова². Данное направление не только дает возможность проводить количественные исследования, но задействует целый пласт качественных источников экономической информации. Оно дает возможность взглянуть на, казалось бы, изученные вопросы с иной точки зрения. Как правильно отмечает Г. Кауфман: «Исследования нарративных подходов могут привести к новым вопросам, облегчить фундаментальное понимание построения реальности. Нарративная экономика может предоставить полезные дополнительные эвристики для поиска новых решений»³.

Вопрос о рациональном поведении человека и о разном понимании понятия «рациональность» в экономической науке стал подниматься не так давно. Идею о нерациональности субъекта экономической деятельности впервые можно отметить у А. Смита⁴. Он поднял очень острый вопрос о важности влияния эксперта в одной из сфер общественной жизни

¹ Shiller R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton, 2019.

² Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М., 2011.

³ Kaufmann G. Narrative Ökonomik und Bedingungsloses Grundeinkommen. Available at: https://www.researchgate.net/publication/378909877_Narrative_Okonomik_und_Bedingungsloses_Grundeinkommen (Accessed 20 May 2026).

⁴ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 2022.

на другие, на роль, которой общество и СМИ отводят этим суждениям. В наше время идеи, критически относящиеся к мейнстриму, — рациональности субъекта экономической деятельности, связанные с поведенческой экономикой, — стали находить себе большее количество сторонников. Исследования Д. Канемана⁵, А. Тверски⁶, Н. Талеба⁷, Р. Таллера⁸ помогли взглянуть на проблему экономического поведения человека под другим углом, рассмотреть те аспекты, которые до этого оставались менее заметны. Экономические нарративы в применении к исследованиям литературных произведений, к подтверждению влияния этих нарративов широко используются и в работе Т. Пикетти⁹. Автор анализирует не только количественный аспект развития экономики (на уровне статистики) и экономических нарративов во Франции и Великобритании в XIX в., но и дает возможность проследить через примеры литературных описаний, используемых им в своей работе, «понятность» для современников той хозяйственной и бытовой жизни, что описана в работах О. де Бальзака и Дж. Остин.

Понятие «нарратив» имеет разное значение для историков, литературоведов и экономистов. В данном исследовании за основу взята концепция Р. Шиллера о влиянии распространения нарратива на окружающих, о его способности «заражать». Сами нарративы «являются основными векторами быстрых изменений в культуре, духе времени и экономическом поведении»¹⁰.

Сначала рассмотрим работу А.Н. Энгельгардта «Двенадцать писем из деревни»¹¹. А.Н. Энгельгардт родился в богатой дворянской семье, был известным химиком, опубликовал десятки работ по химии. В 1870 г. в связи со студенческими волнениями он был снят с должности в Петербургском земледельческом институте и отправлен в ссылку в свое имение.

Энгельгардт в своей работе дает описание быта и бюджета не только своего, помещичьего, но и крестьян, с которыми он постоянно общается. Он задается вопросом, каким образом, почему опыт крестьян в ведении своего хозяйства дает большее количество знаний и понимания, чем теоретические знания, получаемые из книг, написанных известными авторами? Почему этих книг, в основном написанных иностранными авторами

⁵ Канеман Д. *Думай медленно, решай быстро*. М., 2023.

⁶ Тверски А. *Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения*. М., 2005.

⁷ Талеб Н. Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. М., 2023.

⁸ Таллер Р. *Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики*. М., 2015.

⁹ Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. М., 2023.

¹⁰ Shiller R. J. *Narrative Economics...* P. 12.

¹¹ Энгельгардт А. Н. *Из деревни. 12 писем. 1872–1887*. СПб., 1999.

и переведенных на русский язык, не хватает для экономически выгодного ведения хозяйства? Почему большинство авторов, пишущих на русском языке, используют общие слова и фразы, не извлекая из этих знаний практической пользы? При этом господствующие в «петербургском обществе» нарративы имеют незначительное влияние на реальную жизнь большинства не только крестьян, но и небогатых помещиков. Необходимость в школах для крестьян, которая является основным нарративом для столичной интеллигенции, крестьянами воспринимается как еще одна повинность, похожая на рекрутскую. Взгляды на развитие медицины, как оно представляется в городах и на местах, тоже не совпадают.

Во втором письме Энгельгардт пишет, что основным фактором отсутствия возможности получить необходимую медицинскую помощь даже для помещиков, у которых было до отмены крепостного права около 300 душ крепостных крестьян, была экономическая составляющая. Необходимость держать экипаж для поездки в город за врачом, который в 30–40 верстах, кучера, расходы на дорогу в 10–15 руб. (проданное сено с десятины земли приносило около 7 руб. дохода)¹² делают невозможным получение необходимой медицинской помощи. Большой проблемой является и то, что «лица разных сословий, живущие в одной волости, ничего общего между собой не имеют». У большинства оставшихся помещиков нет теоретических и практических знаний. «Мужик хоть практику понимает и здравый смысл в деле хозяйства имеет»¹³.

Изменившиеся после отмены крепостного права условия взаимоотношений между крестьянами и помещиками, рост издержек на изготовление сельскохозяйственной продукции не привели к значимым сдвигам в ведении хозяйства, казалось бы, самой образованной группой населения — помещиками. Они не применяют или очень мало применяют новые способы ведения хозяйства, «продолжают сеять рожь и овес, держат скот для навоза и кормят его, тем, что достанется с половины покосов», — и далее: «...большинство помещиков хозяйством не занимается и добывают деньги службою государственною или земскою»¹⁴. Но и сами будущие помещики, в молодости, при обучении, не получают необходимые знания. «Профессора, сами не интересуясь живо своим предметом, не имея под собою почвы, не могут возбудить интереса к „делу“ и в своих учениках, вследствие чего те, окончив курс в агрономическом заведении, не идут в хозяйство, а копирую своих профессоров, поступают в чинов-

¹² Энгельгардт А. Н. Из деревни... С. 43.

¹³ Там же. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 63, 94.

ники»¹⁵. Знаменательную оценку причины такого явления мы можем найти у М.В. Неручева.

Вот что он пишет про Петербургскую земледельческую академию в 1882 г.: «В качестве высшего учебного заведения, с богатою учебною обстановкою, с громадным годовым бюджетом и, некоторое время, с профессорами, составлявшими лучшие ученые силы России, приблизительно лет за двадцать своего существования, академия не выставила ни одного имени, на котором можно было бы остановиться». И далее: «Лучшая характеристика наших сельскохозяйственных школ, в которых практика — не работа, в которых не работают, а занимаются практикой (?!), которые таким образом не служат ни рассадником истинных знаний, ни заведениями, приготавливающими к труду»¹⁶.

Отличается и рациональный подход крестьян и помещиков к работе. Крестьянин берет работу не когда он может получить за нее наибольшую сумму денег (в летние месяцы), а зимой, когда оплата в силу избыточного количества рабочих рук значительно меньше. В девятом письме А.Н. Энгельгардт пишет о том, что нанимаются крестьяне в летний период только самые бедные, середняки и более богатые нанимаются только в зимние месяцы, «блюдя хозяйство». Распространенный в прессе нарратив о лени и беспечности крестьянина тоже несостоятелен, уверен Энгельгардт. «Наш работник не ленив, если хозяин понимает работу, знает, что можно требовать, умеет, когда нужно, возбудить энергию и не требует постоянно сверхчеловеческих усилий»¹⁷.

Важны не только механизация хозяйства и правильные законы (институты), «у нас вообще слишком много значения придают усовершенствованным машинам и орудиям, тогда как машины самое последнее дело»¹⁸. В своем четвертом письме он поднимает, как представляется, один из важнейших вопросов: что важнее: дешевый или дорогой труд или неэффективная система ведения хозяйствования?¹⁹

«Крестьяне не так консервативны в производстве работ если увидят в деле обоснованность применения новинок, тоже повторяют в своем хозяйстве»²⁰. В этом есть некое продолжение идей Б.Ф. Поршнева, что «повторность — могучее орудие коллективных ценностей»²¹. И здесь мы

¹⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни... С. 81.

¹⁶ Неручев М.В. Сельско-хозяйственные школы, какими они не должны быть // Русская мысль. М., 1882. С. 20.

¹⁷ Энгельгардт А.Н. Из деревни... С. 98.

¹⁸ Там же. С. 108.

¹⁹ Там же. С. 104.

²⁰ Там же. С. 165.

²¹ Поршнев Б.Ф., Анциферова Л.И. История и психология. М., 1971. С. 24.

подходим к аспектам, рассматриваемым в контексте поведенческой экономики (Ричард Таллер). Можно говорить об эвристике доступности — опоре в мыслительной и практической деятельности на предшествующие примеры, свои и членов группы. Во многом применение данной эвристики связано с оценкой риска. Причем риска не потери какой-либо части капитала, как в случае с дворянином-землевладельцем, а риска смерти крестьянина и всей его семьи. В этой парадигме, возвращаясь к идеям Р. Таллера, можно говорить о рациональности выбора крестьянами тех или иных привычных способов хозяйствования, при которых возможность потери завышается, а сами потери субъективно значат больше, чем потенциальное приобретение такого же количества дохода.

Энгельгардт пишет о первой попытке посадить лен: «Мне говорили, что по нашим местам льны не идут, что у нас и деды льнами не занимались. Тут конечно, дело не в деньгах: потеря 100 рублей... меня бы не разорила»²². Но в итоге «лен дает громадный доход, и даже при плохом урожае — в прошлом году я получил по 35 рублей чистого дохода с десятины — окупает землю»²³. Вслед за ним сеять лен стали и крестьяне. Но это потребовало перестройки всего хозяйства: изменение пахотного орудия, нужны более сильные лошади, иная система хозяйства. Но, по итогу, крестьяне начинают перенимать его способы ведения хозяйства; теоретические знания автора вместе с практическими результатами дали возможность и крестьянам, меньше искушенным в теоретическом осмыслении сельскохозяйственной деятельности, применять на практике полученные знания²⁴.

Нарративы, передававшиеся в устной форме, даже подкрепленные практическими примерами, были более географическими, локальными. Новая информация, технология обработки земли, новых зерновых культур, возможно, существующих в соседних регионах, фактически отсутствовала. Крестьянин был вынужден подчиняться определенному природному и трудовому циклу. Нарративы, распространявшиеся в крестьянской среде, не могли критически оцениваться, мерилом критики выступал коллективный опыт. И Энгельгардт обращается к молодым дворянам, «чтобы они не шли в народ неся свет истины» — как делали народники, а набирались у крестьян практического опыта и подкрепляли его своими теоретическими знаниями, полученными в годы обучения. Но, как показывает практика, таких людей было немного. Основными нар-

²² Энгельгардт А. Н. Из деревни... С. 64–65.

²³ Там же. С. 65

²⁴ Кадыков А. Н. Применение методов поведенческой экономики при изучении изменений в хозяйственной культуре в пореформенной России // Мат-лы XXI Междунар. конф. молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 2023. С. 273–275.

ративами в среде дворянской и разночинной молодежи стали подходы, связанные с народническими и марксистскими нарративами.

Рассмотрим основные нарративы в работе С.Н. Терпигорева (псевдоним — Атава) «Оскудение». Современники писателя не раз указывали на автобиографическую основу произведения²⁵. В начале своей работы Терпигорев дает свое видение процесса уменьшения влияния дворян в экономике. Причем этот процесс, по его словам, возник далеко «не вдруг». Помещики не давали своим детям образование, напрямую связанное с ведением хозяйства, дети продолжали получать военное или административное образование, а их имения оказались «оставленные без присмотра, или что еще хуже, поступившие под присмотр отставных департаментских чиновников, или бывших носителей красивых форм»²⁶. Проходившие изменения в общественной, экономической, политической жизни не затрагивали основу экономики товарного хозяйства — помещичье хозяйство. «Я решительно не помню, чтобы слышал хотя какие-нибудь соображения насчет того хозяйства, которое должно было сменить настоящее. Мне кажется, что это было так оттого, что в то время не было никакого хозяйства в том смысле, как оно понимается даже сейчас. Была безобразная затрата лошадиного и человеческого труда, почти дарового, без всякого расчета, без всякой теории, без всякой системы, не говоря уже о какой-нибудь научной подготовке, о приложении каких-нибудь научных законов».

Все аспекты, связанные с хозяйственной деятельностью «считались делом не дворянским, купеческим. Дворянское дело было: приказать <...> единственные заводы, не компрометировавшие дворянского достоинства, были конские»²⁷. Они надеялись на «рациональное хозяйство», но, поскольку оно было почерпнуто из книг и газет и имело мало общего с практикой, — все заканчивалось разорением, имение становилось собственностью банков и выкупалось по закладным. «Всем было известно, и даже доподлинно известно, что за „границей“ сельское хозяйство устроено как-то (однако как?) иначе, что там оно ужасно прибыльно»²⁸. «Под этим злополучным термином понималось совсем не то, что следовало понимать, то есть не разумное ведение хозяйства, с постепенным усовершенствованием производства, принятием во внимание местных условий труда, условий сбыта, а подразумевалась просто пересадка в нашу Осиновку или Семеновку совершенно произвольно французского, швейцарского, английского или немецкого хозяйства»²⁹.

²⁵ Терпигорев С. Н. Оскудение. М., 1958. С. XVI.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же. С. 68.

А. А. Фет в своей работе «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство» рассматривает похожие нарративы. Одним из основных является нехватка рабочих рук. «Что такое страна пролетариата в двух словах? Страна, где руки ищут работы, а работы нет. Что такое Россия? Страна, в которой необходимейшая работа ищет рук, а рук нет»³⁰. Причем не хватает и управленцев, и крестьян. Нехватку рук пытаются заменить машинами, но не хватает специалистов с необходимым образованием.

Также Фет делает акцент на разном понимании «рациональности» у землевладельца-практика и теоретика, пишущего в журналы (в частности, он приводит статью П. Небольсина в «Отечественных записках»). С точки зрения практика, лучше использовать экстенсивный путь развития своего хозяйства (пока экономически это эффективно) и только потом переходить к интенсификации производства³¹. Нерациональные траты помещиков, а следовательно, и крестьян, которые перенимают опыт ведения хозяйства у них, не так часто встречающиеся явления в средней полосе. Другое дело, если не сам владелец занимается ведением своего хозяйства: в этом случае мы на практике видим экономическую проблему «принципал — агент», или в более широком аспекте — перед нами предстает теория контрактов (*Contract theory*). Как пишет Фет: «Конечно, есть и между помещиками немало людей, которым дики и машины, и новые отношения; но мы говорим про общий поток, а не лежащие на дне русла камни». А также: «Не таким бессмысленно-бесдушным существом вижу я, особенно в настоящее время, среднего землевладельца. Я вижу его напрягающим последние умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять во имя просвещения... Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия почти без всяких к тому средств, вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам...»³².

После отмены крепостного права была необходима новая система ведения хозяйства, а трехполье, основанное на барщинном труде, стало экономически неэффективно. Фет стал активно применять травосеяние, использовать вольнонаемный труд, что приносило больший доход³³. И в работе Фета мы видим ту же проблему, что и у А. Н. Энгельгардта, — разное понимание рационального хозяйства для крестьян и помещиков, для теоретиков, пишущих в журналы сельскохозяйственной направленности, и практиков, пытающихся применять эти советы на деле.

³⁰ Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 68.

³¹ Там же. С. 107–108.

³² Там же. С. 109.

³³ Там же. С. 116.

Приведенные примеры показывают картину сложности и болезненности перехода от одной экономической модели к другой. Господствующие в «читающем», образованном обществе теоретические экономические нарративы мало соприкасались с реальной практикой и, к сожалению, не затрагивали основу хозяйственной жизни. Дворяне, казалось бы, заинтересованные в практикоориентированных подходах к ведению своего хозяйства, не имели представления о практическом применении и экономической эффективности тех или иных методов ведения хозяйства. Понимание рациональности использования новых способов ведения хозяйства, механизация труда, использование агротехнических новинок было широко обсуждаемым, но прежде всего модным веянием, не затрагивающим основу хозяйства, его экономическую эффективность в изменившихся после отмены крепостного права условиях повышения издержек на заработную плату за крестьянский труд.

Таким образом, на основе анализа рассмотренных источников можно выявить дисбаланс в цене на труд не только в разных регионах страны, а в разное время года (особенно во время сенокоса) в рамках одного региона. Терпигорев, Энгельгардт и Фет неоднократно пишут о том, что крестьянский труд сильно недооценен, и приводят подтверждающие их слова примеры о «справедливой» цене за крестьянский труд, обсуждаемой в печати, и издержках крестьян, если они берутся за выполнение работы и не имеют возможности впоследствии на заработанные деньги прокормить необходимый в хозяйстве скот. Альтернативные нарративы, предлагаемые Терпигоревым, Энгельгардтом и Фетом, не получили широкого распространения за пределами узкого круга дворян-практиков. Вопрос, почему это произошло, выходит за рамки данного исследования, но можно предположить, что причинами были малочисленность этой группы, слабая коммуникация с крестьянством и инерция доминирующих дискурсов.

Исторические источники позволяют говорить о том, что люди, казалось бы, далекие от сельскохозяйственной деятельности по основному роду своих занятий, постарались развить нарратив, рассматривать теорию и практику применительно к конкретным историческим, географическим, климатическим условиям. Применять концепцию «рациональности» не в общем смысле, а с учетом экономического положения и экономических возможностей разных групп населения, не только принимая во внимание статистику и проводя сравнительный анализ российской действительности с тем, что «там, за границей», но учитывая экономические выгоды каждого агента экономической деятельности в аспектах ценообразования, в том числе и заработной платы. Но, судя по всему, инерция соци-

альных представлений большинства дворянства блокировала нарратив как нерелевантный его опыту. Невозможность для большинства крестьян выйти за устоявшиеся эвристики доступности, невозможность контроля рисков в рамках теории перспектив не давали возможности выйти за пределы традиционного способа ведения хозяйства.

Экономические нарративы Терпигорева, Энгельгардта, Фета, не будучи подкреплены изменением социальных представлений на групповом уровне (через школы, публичную риторику, изменение статуса «хозяина-практика»), остались достоянием узкого круга.

В рассмотренных источниках устойчиво воспроизводятся три экономических нарратива: 1. разрыв между теориями, исходящими от прессы и столичной интеллигенции, и практическим опытом ведения сельского хозяйства; 2. множественность и конфликт трактовок «рациональности» у разных социальных и профессиональных групп; 3. асимметрия в ценнообразовании на труд наемных работников (сезонность, несовпадение обсуждаемой и реальной оплаты, неденежные издержки). Эти нарративы выделены на основе критериев повторяемости, сюжетной оформленности, ценностной нагрузки и противопоставленности господствующим стереотипам в прессе. Даже с учетом ограничений анализ экономических нарративов в текстах Терпигорева, Энгельгардта и Фета сохраняет актуальность для современных дискуссий: он показывает, что в периоды серьезных экономических и социальных изменений разрыв между «теорией» (господствующими нарративами) и «практикой» может быть системным, а понятие «рациональности» — множественным для разных социальных и экономических групп. Учет поведенческих факторов позволяет более адекватно объяснять хозяйственный консерватизм, не прибегая к тезисам о «лени» или «отсталости».

Список литературы

1. *Ефимов В. М.* Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс, 2011. 352 с.
2. *Кадыков А. Н.* Применение методов поведенческой экономики при изучении изменений в хозяйственной культуре в пореформенной России: Мат-лы XXI Междунар. конф. молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 2023. С. 273–275.
3. *Канеман Д.* Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2023. 656 с.
4. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2023. 592 с.
5. *Поршнев Б. Ф., Анциферова Л. И.* История и психология. М.: Наука, 1971. 381 с.
6. *Талев Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Махаон, 2023. 704 с.
7. *Таллер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики. М.: Эксмо, 2015. 368 с.

8. Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. М.: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
9. Kaufmann G. Narrative Ökonomik und Bedingungsloses Grundeinkommen. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/378909877_Narrative_Okonomik_und_Bedingungsloses_Grundeinkommen (дата обращения: 20.05.2026).
10. Shiller R. J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton: Princeton University Press, 2019. 400 p.

References

1. Efimov V. M. Economic science in question: Alternative methodology, history, and research practices. Moscow: Kurs Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)
2. Kadykov A. N. Application of behavioral economics methods to the study of changes in economic culture in post-reform Russia. *Proceedings of the 21st international conference of young scholars in the humanities and social sciences*. Novosibirsk, 2023, pp. 273–275. (In Russ.)
3. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Moscow: AST Publ., 2023. 656 p. (In Russ.)
4. Kaufmann G. Narrative Ökonomik und Bedingungsloses Grundeinkommen. Available at: https://www.researchgate.net/publication/378909877_Narrative_Okonomik_und_Bedingungsloses_Grundeinkommen (accessed May 20, 2026). (In Germ.)
5. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Moscow: Ad Marginem Publ., 2023. 592 p. (In Russ.)
6. Porshnev B. F., Antsiferova L. I. History and psychology. Moscow: Nauka Publ., 1971. 381 p. (In Russ.)
7. Shiller R. J. Narrative economics: How stories go viral and drive major economic events. Princeton: Princeton University Press, 2019. 400 p.
8. Taleb N. N. The black swan: The impact of the highly improbable. Moscow: Makhaon Publ., 2023. 704 p. (In Russ.)
9. Thaler R. H. Misbehaving: The making of behavioral economics. Moscow: Eksmo Publ., 2015. 368 p. (In Russ.)
10. Tversky A. Decision making under uncertainty: Rules and biases. Moscow: Gumanitarnyy tsentr Publ., 2005. 632 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кадыков Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры
политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций
ОАФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1
E-mail: kadykov-an@ganepa.ru
ORCID: 0000-0003-4540-0983

Для цитирования

Кадыков А.Н. Экономические нарративы в русской литературе второй половины XIX в. на примере работ С. Н. Терпигорева, А. Н. Энгельгардта и А. А. Фета // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 61–76.

Kadykov Alexander N.

**Economic Narratives in Russian Literature
of the Second Half of the 19th Century:
Based on the Works of S. N. Terpigorev,
A. N. Engelgardt, and A. A. Fet**

Abstract. This article examines economic narratives in Russian literature of the second half of the 19th century through the works of S. N. Terpigorev („Impoverishment“), A. N. Engelgardt („Twelve Letters from the Village“), and A. A. Fet („The Life of Stepanovka, or A Lyrical Farmstead“). The author identifies three main narratives that emerged during Russia’s transition from a traditional feudal economy to capitalist relations. The first concerns the gap between theoretical views on agriculture (propagated by the intelligentsia, professors, and the press) and the practical experience of landowners and peasants. The second involves differing understandings of „rationality“ in farming among various social and professional groups. The third deals with the issue of pricing for hired labor. The theoretical framework draws on Robert Shiller’s concept of narrative economics as well as insights from behavioral economics (D. Kahneman, R. Thaler). The analysis shows that the dominant narratives of the time failed to address the real needs of the agrarian sector, while the selected authors — who combined theoretical knowledge with hands-on farming experience — offered a more balanced approach that integrated local conditions, economic rationality, and behavioral factors. The article concludes that although these alternative narratives were relevant to their era, they did not reach a critical mass capable of transforming mass consciousness and agricultural practice; nevertheless, they retain analytical value for contemporary discussions on economic rationality and agrarian development.

Keywords: economic narratives, post-reform Russia, agriculture, rationality, behavioral economics, narrative economics.

Information about the author

Kadykov Alexander N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department
of Political and Legal Disciplines and Social Communications
General Academic Faculty, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russian Federation)
82, building 1, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: kadykov-an@ranepa.ru
ORCID: 0000–0003–4540–0983

For citation

Kadykov A. N. Economic Narratives in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: Based on the Works of S. N. Terpigorev, A. N. Engelgardt, and A. A. Fet. *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 61–76. (In Russ.)